

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

<https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-85-113>

СТРУКТУРА ТЕРМИНОПОЛЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ ПРАВОВОГО ИНСТИТУТА В АНГЛО-РУССКОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

И.А. Жилина

*Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева,
Центральный филиал
(Воронеж, Россия)
irina1985_2004@mail.ru*

Аннотация: Институциональная асимметрия юридических терминов не однородна, а градуирована: расхождение между термином и его переводным соответствием залегает на разных уровнях – от статуса отдельной единицы до строения целого терминологического поля. В работе показано, что структура терминологического поля воспроизводит структуру обслуживаемого им правового института, и именно это соответствие определяет уровень, на котором переводной эквивалент перестает быть надежным. На материале четырех показательных случаев, выстроенных по нарастанию уровня расхождения – от статуса института (*magistrate*) через категориальную классификацию (*felony / misdemeanour*) и тип правового средства (*injunction*) к строению поля (английский ряд наименований юриста при едином русском «адвокат»), – выделяется шкала, на которой функция термина и его эквивалента может совпадать, создавая иллюзию эквивалентности, тогда как действительное расхождение лежит в институциональной структуре. Анализ сочетает сопоставление словарных, нормативных и корпусных данных (Британский национальный корпус) с разбором аутентичных судебных решений. Корпусные данные привлекаются как независимая верификация словарных и нормативных наблюдений: для опорных терминов установлены абсолютные частоты и построены коллокационные профили, подтверждающие институциональную обусловленность расхождений. По результатам анализа выстроена типология из четырех уровней асимметрии, на каждом из которых расхождение захватывает все больший объем институциональной структуры – от статуса единицы к строению целого поля. Практическая значимость результатов двойственна: для перевода они служат ориентиром, когда достаточно функционального эквивалента, а когда необходимо институциональное пояснение; для двуязычной лексикографии обосновывают институциональную помету, указывающую уровень расхождения термина с его соответствием. Предлагаемый подход смещает описание от констатации межсистемных различий к объяснению их механизма и градуированности. Тем самым институциональная асимметрия описывается не как разрозненный перечень несовпадений, а как упорядоченное, градуированное явление, а само понятие соответствия между структурой терминопля и устройством правового института предлагается в качестве инструмента, примененного к сопоставительному анализу юридических терминологий за пределами рассмотренной пары языков.

Ключевые слова: институциональная асимметрия, юридическая терминология, юридический перевод, терминологическое поле, функциональная эквивалентность, правовой институт, корпусная лингвистика.

Для цитирования: Жилина, И.А. (2026). Структура терминополья как отражение правового института в англо-русской юридической терминологии. *Дискурс профессиональной коммуникации*, 8(3), 85–113. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-85-113>

1. ВВЕДЕНИЕ

Юридический термин принадлежит не языку как таковому, а той правовой системе, которая этот язык использует, – и именно поэтому прямое соответствие между терминологиями двух систем встречается так редко: за внешне совпадающими наименованиями нередко стоят различно устроенные институты. Свойство это давно осознано и в сопоставительном правоведении, и в теории юридического перевода, однако конкретные его проявления в паре «английский – русский» описаны до сих пор неравномерно.

Особый интерес представляют, на наш взгляд, те случаи, в которых переводное соответствие формально безупречно и функции сопоставляемых понятий совпадают, а за термином тем не менее стоит иначе устроенный правовой институт. Английский *magistrate* и русский «мировой судья» рассматривают мелкие дела в первой инстанции – но различаются по профессиональному статусу; *injunction* и обеспечительная мера служат, казалось бы, одному и тому же судебному запрету – но принадлежат к разным категориям права; единому же русскому «адвокат» отвечает целый развитый английский ряд наименований юриста. Во всех этих случаях расхождение лежит не в значении и не в функции термина, а в той институциональной структуре, которая за ним стоит. Такой тип расхождения до сих пор не выделялся в самостоятельную категорию и не описывался как градуированное явление.

Цель настоящей статьи – выделить и описать институциональную асимметрию как особый тип межъязыкового расхождения в англо-русской юридической терминологии и показать, что она распределена по нескольким уровням, от статуса отдельного термина до строения целого терминологического поля.

Научная новизна работы, как нам представляется, в том и состоит, что мы вводим понятие соответствия между структурой терминологического поля и устройством правового института, а разрозненные случаи межъязыкового расхождения выстраиваем в единую шкалу уровней институциональной асимметрии. В отличие от предшествующих исследований, описывавших отдельные англоязычные единицы или формулировавших общий принцип системно-структурного укоренения термина, мы рассматриваем материал контрастивно – в прямом сопоставлении английской и русской терминологии – и опираемся при этом на аутентичные судебные источники, включая решения Верховного суда США и Верховного суда Великобритании.

Актуальность исследования определяется расширением международно-правовой коммуникации и связанным с ним ростом потребности в точном юридическом переводе и качественной двуязычной лексикографии. Практика перевода и составления словарей нередко ограничивается подбором функционального эквивалента, который передает роль термина, но не его институциональную принадлежность. Описание институциональной асимметрии

и ее уровней дает критерий для того, чтобы определить, в каких случаях функциональный эквивалент достаточен, а в каких он требует институционального пояснения.

Материалом исследования служат четыре терминологических случая, расположенных по нарастанию уровня расхождения: *magistrate* и «мировой судья»; *felony / misdemeanour* и российские категории преступлений; *injunction* и обеспечительные меры; англоязычный ряд наименований юриста при едином русском «адвокат». Выбор кейсов обусловлен не статистической представительностью, а их контрастностью: каждый иллюстрирует свой уровень асимметрии, а вместе они образуют шкалу. Статья построена по следующей логике: после изложения теоретических оснований и описания материала и методов последовательно анализируются четыре случая, а затем результаты сводятся в типологию уровней институциональной асимметрии.

2. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

2.1. Правовая система как источник системной связанности термина

Юридическую терминологию мы рассматриваем как качественно отличную от терминологий естественных и технических наук. Причина этого отличия в том, что ее единицы не отсылают к универсальным денотатам. Если химический или медицинский термин обозначает один и тот же объект независимо от языка, то термин юридический существует лишь в пределах конкретной правовой системы и обозначает понятие, за этими пределами не имеющее точного соответствия. Сравнительное правоведение давно установило, что правовые системы мира объединяются в правовые семьи – прежде всего романо-германскую (континентальную) и англо-американскую (общего права). Эти семьи различаются не только содержанием норм, но и самим устройством правовых институтов, источников права и юридического мышления (David & Brierley, 1978; Zweigert & Kötz, 1998). Юридический язык в этом отношении и выступает языком для специальных целей, чьи функции и терминология определяются устройством обслуживаемой им правовой культуры (Mattila, 2013).

Отсюда вытекает свойство юридического языка, которое Г.-Р. де Гроот определяет как системную специфичность (*system-specificity*). В одном естественном языке существует не один юридический язык, а столько, сколько правовых систем используют данный язык как язык права (de Groot, 2006, p. 423). Английский юридический язык Англии, США, Шотландии и иных юрисдикций общего права – это не один, а несколько юридических языков, поскольку за внешне совпадающими терминами стоят различно устроенные институты. Перевод юридического термина оказывается поэтому операцией не между языками, а между правовыми системами. Переводчик устанавливает, какому понятию исходной системы соответствует понятие системы языка перевода (de Groot, 2006, pp. 423–424).

В отечественной традиции близкое понимание выражено в системоцентрическом подходе к юридическому термину, согласно которому термин определяется через его место в структуре правовой нормы и правовой системы в целом (Хижняк, 1997). Близкую мысль высказывает К. М. Левитан: своеобразие национального языка права обусловлено его органической связью с правовой системой конкретного государства, и потому изучение иностранного языка означает для юриста одновременное освоение иной правовой системы (Левитан, 2012, с. 47). В когнитивном ключе это положение развивает С. П. Хижняк, показывая, что концептосферы, семантические и семиотические пространства разных языков права находятся в постоянном взаимодействии и могут вступать в отношения вариативности (Хижняк, 2016, с. 39).

Именно это положение – о том, что термин укоренен в устройстве института, – мы и намерены довести до его логического предела. Если структура права отражается в отдельном термине, то в развитом терминологическом ряду она должна отражаться тем более, вплоть до того, что дробность самого поля окажется слепком с дробности института. Проследить это соответствие и показать, что оно проявляется не разом, а градуированно – от единичного термина к целому полю, – и составляет задачу дальнейшего изложения.

2.2. Функциональная эквивалентность и ее предел

Базовым методологическим принципом сопоставительного правоведения признается принцип функциональности, согласно которому сопоставимы не нормы или институты сами по себе, а функции, которые они выполняют в решении сходных жизненных задач (Zweigert & Kötz, 1998, p. 34). Отсюда следует, что одна и та же функция может выполняться институционально различными средствами. К. Цвайгерт и Х. Кётц приводят такой пример. Функцию защиты добросовестного приобретателя недвижимости в Германии выполняет поземельная книга с принципом «публичной достоверности», а в США – частные компании страхования титула (Zweigert & Kötz, 1998, p. 39).

В теории юридического перевода этот принцип преломляется в понятии функционального эквивалента, когда исходному термину подбирается единица языка перевода, обозначающая ближайшее функционально сходное понятие (Šarčević, 1997, p. 236; Cao, 2007). Однако, вслед за Г.-Р. де Гроотом, мы исходим из того, что функциональной близости для признания эквивалентности недостаточно: необходимо еще и сходное системное и структурное укоренение (*systematic and structural embedding*) термина в соответствующей правовой системе (de Groot, 2006, p. 425). Именно отсюда и берет начало основное предположение нашего исследования – что расхождение между исходным термином и его переводным соответствием нередко сосредоточено не в денотате и не в функции, а в той институциональной структуре, которая стоит за термином. В отечественном переводоведении сходная идея выражена через понятие асимметрии: объемы значений эквивалентных терминов совпадают лишь в ограниченном числе случаев, а чаще не совмещаются по всем признакам передаваемых понятий, что С. В. Власенко и В. А. Заславская относят к семантической и функциональной асимметрии языковых картин мира (Власенко, Заславская, 2015, с. 224–225).

Г.-Р. де Гроот различает несколько степеней эквивалентности – от полной (возможной лишь внутри одной двуязычной правовой системы, как в Бельгии, Швейцарии или Канаде) до частичной, при которой в одной системе существует различие, отсутствующее в другой (de Groot, 2006, pp. 424–425). При отсутствии приемлемого эквивалента переводчик прибегает к субсидиарным решениям, среди которых сохранение исходного термина, парафраз или неологизм (de Groot, 2006, pp. 425–429). В современных исследованиях институционального перевода эта проблематика рассматривается в более широкой рамке: вся работа международных институтов имеет правовое основание и вращается вокруг разработки, имплементации и распространения правовых актов, в силу чего перевод их терминологии подчиняется требованиям нормативности, авторитетности и правовой определенности (Prieto Ramos, 2018, pp. 1–2). Семиотическую трактовку этой проблематики предлагают Л. Чэн и К. К. Син: поскольку юридический термин есть знак, наделяемый значением в рамках конкретной правовой системы, терминологическая эквивалентность оказывается не тождеством означаемых, а соответствием знаков в разных знаковых системах права (Cheng & Sin, 2008, pp. 33–35). Институциональная обусловленность юридического термина отмечается и в жанровом анализе профессионального дискурса, где юридический текст

рассматривается как жанр, неотделимый от институционального контекста своего порождения (Bhatia, 1993).

2.3. Терминологическое поле и его структура

Юридические термины не существуют поодиночке, они образуют упорядоченные совокупности – терминосистемы, в которых единицы связаны системными отношениями. Отечественное терминоведение рассматривает терминосистему как структурированное множество, отражающее систему понятий соответствующей области знания (Гринёв-Гриневич, 2008; Суперанская и др., 2012). Системность признается при этом основным признаком терминологии, и термин, по существу, существует не изолированно, а лишь как элемент терминосистемы, манифестирующей систему понятий определенной области знания (Комарова, 2023, с. 13–14). В отечественном терминоведении сама терминосистема описывается как объект со своим предметом, методами и внутренней структурой, что и задает рамку для ее упорядочения (Лейчик, 2007). Структурный и функциональный анализ терминологии обнаруживает отношения между единицами, в том числе синонимию и многозначность, которые С. В. Гринёв-Гриневич относит к числу важнейших характеристик, подлежащих учету при описании и упорядочении терминологии (Гринёв-Гриневич, 2008). Близкое понимание системности находим в исследованиях юридико-политической терминологии: И. Н. Фомина отмечает, что значение термина определяется не столько непосредственным контекстом, сколько его семантическим окружением – связанными с ним терминами внутри терминосистемы и тем, как семантическая область поделена между ними (Фомина, 2019, с. 42).

Существенно здесь то, что синонимия в терминосистеме – отнюдь не случайное дублирование, а нередко отражение реальной дифференциации обозначаемых понятий. И если в одной правовой системе существует развитый ряд специализированных наименований, а в другой – единственное обобщающее, то различие это, как нам представляется, не поверхностно: различие в структуре терминологического поля отражает различие в структуре самой обозначаемой институциональной области. Такую зависимость мы и определяем как структурное соответствие между терминологическим полем и правовым институтом.

2.4. Отечественная традиция изучения юридического языка и перевода

Исследование выполнено в русле российской юрислингвистики – научного направления, сложившегося в отечественной науке на рубеже веков и изучающего взаимоотношения языка и права, в том числе юридическую терминологию и юридический перевод (Голев, 1999). Право при этом принадлежит к институциональным сферам общения, в которых язык обслуживает устойчивые социальные институты, а значения единиц закреплены за ролями участников и типами ситуаций (Карасик, 2009, с. 11). В рамках этого направления и смежных исследований по теории юридического перевода неоднократно отмечалось, что адекватность перевода юридической терминологии определяется культурным и системным компонентом значения термина, а также контекстом его употребления (Атабекова, 2013). На материале способов перевода юридических терминов показано, что значительная их часть передается описательно или транслитерацией именно потому, что объем исходного понятия не имеет прямого соответствия в принимающей системе (Бушев, 2010, с. 21). Сходные наблюдения о том, что основания классификации отраслей права в Англии и России различаются в силу принадлежности этих стран к разным правовым системам, представлены в работах по основам юридического перевода (Борисова, 2024, с. 58). Наша работа

и развивает эти положения – применительно к конкретной паре языков, английскому и русскому, и к конкретному типу расхождения, который мы называем институциональным.

2.5. Гипотеза исследования и отношение к предшествующим работам

Отдельные случаи, рассматриваемые в настоящей статье, уже привлекали внимание исследователей. Так, Д. Цао перечисляет англоязычный ряд наименований юриста (*lawyer, counsel, advocate, attorney, solicitor, barrister*) и связывает его дифференциацию с региональным фактором (британское *solicitor / barrister* против американского *attorney*) и с функциональным разделением труда внутри профессии (Cao, 2007, pp. 60–62); термины *magistrate, judge, justice* она относит к словам, связанным со структурой судебной системы (*system-bound words*) (Cao, 2007, p. 62). Г.-Р. де Гроот формулирует общее положение о необходимости системно-структурного укоренения для признания эквивалентности (de Groot, 2006, p. 425). Сам тип расхождения, при котором элементы понятия в одном языке распределены между несколькими терминами другого, отмечен и на материале юридико-политической терминологии (Фомина, 2019, с. 41).

Настоящее исследование опирается на эти положения, однако идет, как нам представляется, дальше. Предшествующие работы описывают англоязычные единицы как таковые и формулируют общие принципы перевода. Мы же рассматриваем их контрастивно, в сопоставлении с русской терминологией, и формулируем из этого более общую закономерность – структура терминологического поля соответствует структуре правового института, а межъязыковая асимметрия проявляется на разных уровнях, от статуса отдельного термина до строения целого терминопоя. Описанные ранее наблюдения подкрепляются у нас аутентичным судебным материалом (решения Верховного суда США и Верховного суда Великобритании) и выстраиваются в типологию из нескольких уровней институциональной асимметрии, что и составляет основной результат работы.

3. МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Материалом исследования служат четыре терминологических случая англо-русской юридической терминологии, отобранные по принципу нарастания уровня институциональной асимметрии: *magistrate* и сопоставимый русский термин «мировой судья»; пара *felony / misdemeanour* и российские категории преступлений; *injunction* и российские обеспечительные меры; англоязычный ряд наименований юриста (*counsel, lawyer, barrister, solicitor, advocate, attorney*) при едином русском термине «адвокат». Каждый случай представляет отдельный уровень расхождения, от статуса отдельного термина до строения целого терминологического поля, и это определяет логику их последовательного рассмотрения.

Отбор примеров мотивирован не статистической представительностью, а их контрастностью. Каждая единица иллюстрирует свой тип институционального расхождения, а вместе они образуют градуированную шкалу. Такой принцип отбора характерен для качественного сопоставительного анализа, цель которого – выделить и описать типы явления, а не измерить их частотность.

3.1. Источники

В работе используются четыре группы источников.

Во-первых, авторитетная одноязычная и переводная лексикография: *Black's Law Dictionary* (2009), *A Dictionary of Modern Legal Usage* (Garner, 1987), *A Dictionary of Law*

(Martin, 1997), англо-русские юридические словари (Мамулян, Кашкин, 1993; Андрианов и др., 1993), а также русско-английский юридический словарь (Борисенко, Саенко, 2000).

Во-вторых, нормативные акты обеих правовых систем. С российской стороны привлекаются Уголовный кодекс РФ (ст. 15), Арбитражный и Гражданский процессуальные кодексы (ст. 90–100 АПК РФ; ст. 139–146 ГПК РФ), Гражданский кодекс РФ (ст. 12, 1065), а также Федеральный закон «О мировых судьях в Российской Федерации» (ФЗ-188). Со стороны общего права – Access to Justice Act 1999, Courts Act 2003¹, Criminal Law Act 1967², Solicitors Act 1974 (Великобритания)³ и 18 U.S.C. § 3559⁴ (США).

В-третьих, судебные решения как источник аутентичного словоупотребления: решения Верховного суда США *Baldwin v. New York* (1970)⁵ и *Winter v. Natural Resources Defense Council* (2008)⁶, а также решение Верховного суда Великобритании *For Women Scotland Ltd v The Scottish Ministers* (2025)⁷ UKSC 16.

В-четвертых, официальные информационные ресурсы судебных систем и профессиональных органов: Courts and Tribunals Judiciary (портал судебной власти Англии и Уэльса), GOV.UK (портал правительства Великобритании), Cornell Law School Legal Information Institute (открытый ресурс по праву США), Practical Law UK (справочно-правовой ресурс Thomson Reuters), Solicitors Regulation Authority (регулятор солиситоров) и Bar Standards Board (регулятор барристеров) в Англии и Уэльсе, Commercial Bar Association (COMBAR, ассоциация коммерческих барристеров); а также академическое справочное издание Encyclopaedia Britannica. Контекстная и количественная верификация словоупотребления проводится по Британскому национальному корпусу (BNC).

3.2. Методы

Ведущим методом исследования является сопоставительный: единицы английской юридической терминологии соотносятся с их русскими переводными соответствиями, после чего устанавливается уровень и характер расхождения. Сопоставительный метод дополняется тремя приемами. Дефиниционный анализ служит для реконструкции содержания термина по словарным толкованиям и сопоставления объемов понятий в двух

¹ Закон Великобритании о судах 2003 г. (Courts Act 2003, с. 39), реформировавший систему магистратских судов и организацию судебной администрации. Обозначение «с. 39» (chapter) — порядковый номер акта среди законов, принятых парламентом за соответствующий год.

² Закон Великобритании об уголовном праве 1967 г. (Criminal Law Act 1967, с. 58), упразднивший в английском праве историческое деление преступлений на felony и misdemeanour.

³ Закон Великобритании о солиситорах 1974 г. (Solicitors Act 1974, с. 47), регулирующий допуск к профессии солиситора и условия её осуществления.

⁴ Раздел 3559 части 18 Свода законов США (United States Code), озаглавленный «Sentencing classification of offenses» («Классификация преступлений для целей назначения наказания»). Часть 18 USC кодифицирует федеральное уголовное законодательство США.

⁵ Решение Верховного суда США 1970 г. (399 U.S. 66), признавшее право обвиняемого на суд присяжных по делам, за которые грозит наказание свыше шести месяцев лишения свободы. Обозначение 399 U.S. 66 указывает том (399) и страницу (66) официального сборника United States Reports.

⁶ Решение Верховного суда США 2008 г. (555 U.S. 7), сформулировавшее критерии предоставления preliminary injunction.

⁷ Решение Верховного суда Великобритании 2025 г. Обозначение [2025] UKSC 16 – нейтральное цитирование (neutral citation): год, суд (UK Supreme Court) и порядковый номер решения за год; система не привязана к печатному сборнику и применяется к современным британским решениям. В настоящей работе решение привлекается исключительно как источник аутентичного словоупотребления (оформление состава представителей сторон) и вне связи с существом рассмотренного спора.

языках. Институционально-функциональный анализ соотносит термин с устройством соответствующего правового института и устанавливает, на каком уровне локализуется расхождение – статуса, классификации, категории правового средства или структуры терминопоя. Контекстный анализ на материале судебных решений и корпуса служит верификацией и фиксирует, как термин функционирует в аутентичном юридическом дискурсе. Обращение к корпусу в качестве источника эмпирических данных отвечает принятой в современном переводоведении установке, согласно которой корпусные методы выявляют закономерности словоупотребления, недоступные одной интуиции (Biel, 2018, p. 26).

Корпусная составляющая анализа опирается на Британский национальный корпус (BNC, около 100 млн словоупотреблений, тексты конца XX века), доступный через интерфейс English-Corpora. Для каждого из ключевых терминов устанавливалась абсолютная частота по корпусу, а для опорных единиц (*magistrate*, *injunction*, *attorney*) дополнительно строились коллокационные профили в окне ± 4 словоформы с ранжированием по силе связи. Частотные и коллокационные данные используются не как самостоятельный результат, а как верификация словарных и нормативных наблюдений: совпадение независимых источников – словаря, нормативного акта и корпуса – служит приемом триангуляции и снижает субъективность качественной интерпретации. Анализ носит качественный характер и выполнен одним исследователем; межкодерная проверка разметки не проводилась, что отмечается ниже как ограничение исследования.

Сочетание этих приемов отвечает исходному положению о том, что описание юридической терминологии требует не только семантического, но и институционального анализа, поскольку различия в структуре терминологического поля отражают различия в устройстве правовых институтов.

4. ИССЛЕДОВАНИЕ И РЕЗУЛЬТАТЫ

Анализ построен на четырех терминологических случаях, расположенных по нарастанию уровня институциональной асимметрии. Сначала рассматривается расхождение в статусе отдельного термина (*magistrate*), затем расхождение в структуре категориальной классификации (*felony* / *misdemeanour*), далее расхождение в самой природе правового средства (*injunction*) и, наконец, расхождение в строении целого терминологического поля (ряд наименований юриста при едином русском «адвокат»). В каждом случае мы устанавливаем формальное переводное соответствие, реконструируем содержание термина по словарным и нормативным источникам и определяем уровень, на котором соответствие перестает работать.

Прежде чем перейти к разбору отдельных случаев, приведем общую частотную картину по корпусу: уже распределение абсолютных частот ключевых терминов в BNC обнаруживает институциональную асимметрию (таблица 1).

Таблица 1. Частота ключевых терминов в Британском национальном корпусе (BNC)

Термин	Частота в BNC
<i>magistrate</i>	724
<i>justice of the peace</i>	65
<i>felony</i>	68
<i>misdemeanour</i> (брит.)	79
<i>misdemeanor</i> (амер.)	3
<i>injunction</i>	788

Окончание таблицы 1.

Термин	Частота в BNC
<i>lawyer</i>	2098
<i>solicitor</i>	3069
<i>barrister</i>	508
<i>counsel</i>	1273
<i>attorney</i>	661

Уже само распределение частот показательно, и не в одном отношении. Британское написание *misdemeanour* (79) практически вытесняет американское *misdemeanor* (3), что подтверждает региональную привязку орфографии. Низкая частота *felony* (68) и *misdemeanour* (79) на фоне высокочастотного *injunction* (788) отражает разный институциональный статус обозначаемого: деление на *felony* и *misdemeanour* упразднено в английском праве Criminal Law Act 1967, тогда как *injunction* остается действующим средством защиты. В ряду же наименований юриста частотная иерархия (*solicitor* 3069, *lawyer* 2098, *counsel* 1273, *attorney* 661, *barrister* 508) воспроизводит, по существу, структуру британской профессии: ведущее положение *solicitor* отвечает его роли основной фигуры, к которой обращается клиент, тогда как *barrister* как специализированная фигура судебного представительства закономерно реже.

Первые три случая объединяет общая черта: переводной эквивалент формально совпадает с исходным термином, а основные значения пересекаются, однако расхождение возникает на ином уровне – в институциональной природе термина, процессуальной форме или устройстве соответствующей области права.

4.1. Magistrate / «мировой судья»: асимметрия институционального статуса

Английские термины *magistrate* и *Justices of the Peace* (JPs) – синонимы в британской судебной системе. Согласно официальному информационному источнику для кандидатов на должность, «*Magistrates (also known as justices of the peace) are 21,500 volunteer judicial office holders who serve in magistrates' courts throughout England and Wales*» (Magistrates, Courts and Tribunals Judiciary). В отечественных переводных словарях оба термина имеют разветвленную полисемическую структуру, однако на практике чаще всего реализуют только одно значение – «мировой судья», что и создает основу для частичной эквивалентности с аналогичным российским термином.

Лексикографическое описание термина *magistrate* в одноязычной англоязычной традиции представлено достаточно широко. В Black's Law Dictionary (2009, p. 1036) приводятся четыре значения:

1) *the highest-ranking official in a government, such as the king in a monarchy, the president in a republic, or the governor in a state* – высшее должностное лицо в государстве (король в монархии, президент в республике, губернатор в штате);

2) *a local official who possesses whatever power is specified in the appointment or statutory grant of authority* – местное должностное лицо с полномочиями, определенными актом о назначении или статутом;

3) *a judicial officer with strictly limited jurisdiction and authority, often on the local level and often restricted to criminal cases* – судебное должностное лицо со строго ограниченной юрисдикцией и полномочиями (со ссылкой cf. *JUSTICE OF THE PEACE*);

4) отсылка к значению *judicial officer* (3) в статье OFFICER.

Отечественные отраслевые словари передают структуру многозначности термина с разной степенью детализации. Англо-русский юридический словарь А. С. Мамуляна и С. Ю. Кашкина (Мамулян, Кашкин, 1993, с. 463) дает два основных значения и подвид *chief magistrate* «глава исполнительного органа; президент / губернатор штата (в США)». В Англо-русском юридическом словаре С. Н. Андрианова, А. С. Берсон и А. С. Никифорова (Андрианов и др., 1993, с. 264) фиксируются те же значения и существенно расширяется система подвидов: помимо *chief magistrate*, в гнезде представлены *lay magistrate* «мировой судья», *stipendiary magistrate* «оплачиваемый магистрат», *trial magistrate* «магистрат, единолично рассматривающий судебные дела», а также *committing, examining, federal, investigating, issuing, juvenile, police* и *youth magistrate* – всего одиннадцать подвидов. При этом значение 2 в толковании С. Н. Андрианова содержит следующее описание: «судья суда низшей инстанции с суммарной и ограниченной юрисдикцией по уголовным и иногда гражданским делам», что близко к значению 3 Black's Law Dictionary.

Таким образом, **семантическая структура** исследуемого термина в отечественной лексикографической традиции передается достаточно полно. В случае С. Н. Андрианова – даже с описанием институциональной функции и различием подвидов. Расхождение возникает на другом уровне: обычно при переводе употребляется немаркированное *magistrate*, для которого закрепляется эквивалент «мировой судья». Этот эквивалент автоматически проецирует на британский термин российскую модель мирового судьи, то есть профессионального юриста с высшим образованием и пятилетним стажем, действующего единолично. Между тем по умолчанию британский *magistrate* – это именно *lay magistrate* (волонтер без юридического образования), что С. Н. Андрианов косвенно показывает через отдельный подвид, но что в практике перевода может теряться.

При сопоставлении компетенций английского *magistrate* и российского мирового судьи обнаруживается внешнее сходство. В обеих системах эти судьи рассматривают уголовные дела небольшой тяжести, семейные и имущественные споры, а также административные правонарушения. Однако при ближайшем рассмотрении это сходство распадается из-за существенного различия в профессиональном статусе.

В Англии и Уэльсе статус мирового судьи (*magistrate*) не требует юридического образования: согласно официальному portalу судебной системы Англии и Уэльса, «*Individuals do not require any legal qualifications or prior training to become a magistrate*» – «для того, чтобы стать магистратом, не требуется ни юридической квалификации, ни предварительной подготовки» (Magistrates, Courts and Tribunals Judiciary). Процессуальной формой является коллегиальное рассмотрение дел: «*Each case is usually heard by 3 magistrates, including a magistrate who is trained to act as a chairperson*» – «каждое дело обычно рассматривается тремя магистратами, включая магистрата, подготовленного для исполнения роли председателя» (Become a Magistrate, GOV.UK). Профессиональную консультацию по вопросам права и процедуры обеспечивает специально назначенный *justices' legal adviser* – квалифицированный солиситор или барристер.

В российской правовой системе мировой судья – это профессиональный юрист с высшим юридическим образованием и пятилетним стажем работы по специальности, действующий единолично (ст. 5 Федерального закона от 17.12.1998 № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»). Внешнее словарное соответствие, таким образом, скрывает за собой совершенно различную природу судебной деятельности – общественную в Англии и Уэльсе и профессиональную в России.

Функциональным эквивалентом российского мирового судьи в английской системе выступает не *magistrate*, а **District Judge (Magistrates' Courts)** – профессиональный судья, рассматривающий дела единолично. Согласно официальному ресурсу судебной системы, «*District Judges (Magistrates' courts) [...] The statutory qualification is a five-year right of audience*» – «окружные судьи (магистратских судов) [...] установленный законом ценз – пятилетнее право выступления в суде» (District Judges (Magistrates' Courts), Courts and Tribunals Judiciary); правовой статус определяется Courts Act 2003 (ss. 22–26). Таким образом, формальное словарное соответствие *magistrate* – «мировой судья» определяет пересечение функций, но не передает расхождения в профессиональном статусе и процессуальной форме.

В британском научном узусе коллегиальное рассмотрение в этой системе предстает нормой, а единоличное – исключением:

A family bench may include a stipendiary magistrate in which case he must preside. In Inner London a metropolitan stipendiary magistrate may sit alone if it is not practicable to constitute a full bench (МКА...) (BNC, W_ac_polit_law_edu, J76). – «Состав по семейным делам может включать оплачиваемого магистрата, и в этом случае он обязан председательствовать. Во Внутреннем Лондоне столичный оплачиваемый магистрат может заседать единолично, если сформировать полный состав практически невозможно».

Из цитаты можно сделать вывод, что оплачиваемый магистрат (*stipendiary magistrate*) при участии в составе *bench* обязательно председательствует, а заседать единолично может только в Inner London и только тогда, когда полный состав собрать невозможно. То есть единоличное рассмотрение – это скорее исключение из правил, тогда как российский мировой судья по умолчанию работает единолично.

Корпусные данные подтверждают и историческую подоплеку этого расхождения. Среди коллокатов *magistrate* в BNC ведущее место занимает *stipendiary* (54 совместных употребления – наиболее сильная связь в профиле), далее следуют *examining* (23), *chief* (17), *metropolitan* (14), *investigating* (13); подвид *district* представлен лишь эпизодически (5). Это распределение отражает дореформенную систему: тексты BNC относятся к периоду до реформы 1999–2000 гг., которой звание *stipendiary magistrate* (оплачиваемый профессиональный магистрат) было заменено на *District Judge (Magistrates' Courts)* (Access to Justice Act 1999, s. 78). Показательно и отсутствие в верхней части профиля коллоката *lay*: в дореформенный период магистрат по умолчанию и был непрофессиональным, поэтому уточнение *lay magistrate* становится регулярным лишь после появления профессиональных District Judges. Корпус, таким образом, фиксирует то состояние терминологии, которое предшествовало современному противопоставлению *lay magistrate* – *District Judge*, и подтверждает, что само это противопоставление институционально обусловлено.

Если в случае с *magistrate* расхождение касалось статуса одного должностного лица, то следующий случай показывает расхождение уже на уровне целой классификационной системы.

4.2. Felony / misdemeanour: асимметрия категориальной классификации

В американской правовой традиции преступления стандартно делятся на felonies (тяжкие преступления), misdemeanors (менее тяжкие преступления) и infractions (мелкие правонарушения, наиболее легкая категория). Согласно справочнику Cornell Law School, misdemeanor определяется как «a crime punishable by less than 12 months in jail», тогда как felonies «carry stiffer penalties, including jail time of more than 12 months» (Cornell Law, Legal

Information Institute). На федеральном уровне США детальная классификация закреплена в 18 U.S.C. § 3559, который выделяет пять классов *felonies* (от Class A – пожизненное заключение или смертная казнь – до Class E – от одного до пяти лет), три класса *misdemeanors* (от Class A – до одного года, до Class C – от пяти до тридцати дней) и *infractions* для срока в пять дней или менее (18 U.S.C. § 3559(a)).

В британском праве классификация устроена по-другому. По данным Британской энциклопедии, преступления в Англии традиционно делятся на *indictable offenses* (рассматриваемые с участием присяжных) и *summary offenses* (рассматриваемые судом суммарно). При этом *indictable offenses*, в свою очередь, делятся на *treasons*, *other felonies* и *misdemeanours* (Britannica, Felony and Misdemeanor). Britannica отмечает, что различие между *felony* и *misdemeanour* для современного права значит меньше, чем раньше, и неоднократно подвергалось критике как непоследовательное.

В российской правовой системе также существует многоуровневая классификация преступлений, однако она имеет совершенно иную структуру. Согласно ст. 15 УК РФ, преступления делятся на четыре категории: небольшой тяжести, средней тяжести, тяжкие и особо тяжкие – с разграничением по максимальному сроку лишения свободы (до 3 лет, до 5 лет, до 10 лет, свыше 10 лет соответственно). Таким образом, расхождение состоит не в отсутствии классификации, а в различной структуре категориальных систем. Американская и российская системы строятся на одном основании – степени тяжести, измеряемой максимальным сроком лишения свободы. Но шкалы при этом различны: трехуровневая в США (*felonies* / *misdemeanors* / *infractions*) и четырехуровневая в России (преступления небольшой, средней тяжести, тяжкие, особо тяжкие). Английская же современная классификация опирается на другое основание – способ рассмотрения дела.

Эта асимметрия в структуре категориальных систем порождает специфическую переводческую проблему. Перевод *felony* как «тяжкое преступление» формально приемлем, но не передает того обстоятельства, что в общем праве термин охватывает все преступления, превышающие порог одного года лишения свободы, тогда как русское «тяжкое преступление» в строгом смысле обозначает лишь одну из четырех категорий ст. 15 УК РФ. Перевод *misdemeanor* представляет еще большие трудности: в практике встречаются варианты «административное правонарушение», «менее тяжкое преступление», «проступок», «мелкое преступление», «провинность», однако ни один из них не передает точного объема исходного понятия, поскольку *misdemeanour* в общем праве остается преступлением уголовного характера (не административным), но менее тяжким, чем *felony*. Отечественная практика перевода подтверждает это: *felony* нередко передается описательно – как фелония, то есть категория тяжких преступлений, занимающая по степени тяжести промежуточное положение между государственной изменой и мисдиминором (Бушев, 2010, с. 21).

Аутентичный пример из решения Верховного суда США демонстрирует работу классификационного критерия:

Appellant was arrested and charged with 'jostling' – a Class A misdemeanor in New York, punishable by a maximum term of imprisonment of one year (Baldwin v. New York, 1970). – «Апеллянт был арестован и обвинен в «толкотне с целью кражи» (*jostling*) – мисдиминоре класса А в штате Нью-Йорк, наказуемом лишением свободы на срок до одного года».

В одном предложении выражены три главные характеристики термина в американской правовой традиции: классовая дифференциация (*Class A misdemeanor*), связь классификации с конкретным правонарушением (*jostling*) и определяющий критерий разграничения с *felony* – максимальный срок лишения свободы в один год.

Корпусные данные проясняют, в каком именно статусе эта пара существует в британском узусе, и статус этот, как выясняется, двойствен. Коллокационные профили *felony* и *misdemeanour* обнаруживают три черты. Во-первых, термины устойчиво предполагают друг друга: в профиле *felony* среди ведущих знаменательных коллокатов стоит *misdemeanour*, и наоборот, – то есть в корпусе они живут не порознь, а именно как парная оппозиция. Во-вторых, содержательно они расходятся: *felony* тяготеет к признаку наказуемости (*punishable, degree, imprisonment*), тогда как *misdemeanour* – к признаку малозначительности (*minor, trifling, slightest*). В-третьих, и это существеннее всего для перевода, оба термина в британском корпусе рассеяны между американским контекстом (*Florida, Columbia, endangerment*) и историко-правовым пластом английского общего права (*compounding a felony, footpads*). Иными словами, для современного британского права пара *felony / misdemeanour* – уже не действующая классификация, а либо американизм, либо историзм: деление было упразднено Criminal Law Act 1967. Здесь, по существу, и коренится ловушка перевода. Русские категории «тяжкое / менее тяжкое преступление» отсылают к живой, действующей классификации (ст. 15 УК РФ), английские же термины к моменту создания корпуса эту институциональную актуальность в британском праве уже утратили, – и потому внешне очевидное соответствие проецирует действующее на историческое.

Расхождение в структуре классификации сменяется еще более глубоким типом: в следующем случае несовпадение затрагивает саму природу правового средства.

4.3. Injunction: асимметрия типа правового средства

Отдельный случай частичной эквивалентности представляет термин *injunction*. В отличие от *magistrate* (где расхождение касается профессионального статуса) и *felony / misdemeanour* (где расхождение касается структуры классификации), *injunction* демонстрирует категориальное расхождение. Термин обозначает тип правового средства защиты, не имеющий прямого аналога в романо-германской правовой семье.

Согласно справочнику Practical Law (Thomson Reuters), *injunction* определяется как «an equitable remedy in which a court orders a party to perform, or refrain from performing, a particular act» (Practical Law UK). Ключевая характеристика – equitable remedy, то есть средство защиты, развившееся в английском Court of Chancery и противопоставленное обычным средствам общего права (*damages* – денежная компенсация). Это деление возникло из того, что в Англии параллельно существовали две судебные системы – common law и equity. Они были объединены после Supreme Court of Judicature Acts 1873–1875.

Practical Law выделяет в первую очередь два типа *injunction* по характеру предписания: *prohibitory injunction* – запрет на совершение определенных действий, и *mandatory injunction* – предписание их совершить. Помимо этого, английское право знает специальные виды *injunction* по функции: в частности, *freezing injunction* (исторически – *Mareva injunction*), запрет распоряжения активами, применяемый главным образом в делах о мошенничестве и нарушении доверия (Practical Law UK).

Корпусные данные подтверждают эту внутреннюю дифференциацию средства. В коллокационном профиле *injunction* в BNC ведущие позиции по силе связи занимают именно видовые определения: *interlocutory* (42 совместных употребления), *interim* (29) и *Mareva* (22, наиболее сильная связь в профиле), а также характеризующие предписание *restraining* (30), *mandatory* (6) и *prohibiting* (7). Это распределение существенно для сопоставления: высокая частота временных определений (*interlocutory, interim*) показывает, что промежуточный, обеспечительный *injunction* – частотный тип, и именно он функционально ближе

всего к российским обеспечительным мерам, тогда как окончательный (final) *injunction*, выступающий самостоятельным средством защиты, прямого российского аналога не имеет. Присутствие специфического *Mareva injunction* подчеркивает наличие подвидов, не имеющих соответствия в континентальной традиции вообще.

Отечественные отраслевые словари передают термин *injunction* единообразно. Англо-русский юридический словарь А. С. Мамуляна и С. Ю. Кашкина (Мамулян, Кашкин, 1993, с. 408) дает два значения, «судебный запрет» и «запретительная норма», с развитой системой подвидов (*interlocutory, mandatory, permanent, perpetual, preliminary, prohibitory* и других). Аналогичную структуру фиксирует словарь С. Н. Андрианова, А. С. Берсон и А. С. Никифорова (Андрианов и др., 1993, с. 229), добавляя подвиды *pendente lite* «судебный запрет на время рассмотрения дела», *civil, post-patent* и другие. Существенно, что оба словаря описывают термин через результат предписания (запрет), но ни один не передает его принадлежности к *equitable remedies*. Словарный перевод фиксирует функцию средства, а не его место в противопоставлении *law* и *equity*, и именно здесь проходит граница межъязыкового расхождения.

В российском праве прямого эквивалента *injunction* нет. Сходные функции выполняют обеспечительные меры – институт, регулируемый ст. 90–100 АПК РФ и ст. 139–146 ГПК РФ. Обеспечительные меры включают запрет ответчику совершать определенные действия (что функционально близко к *prohibitory injunction*), наложение ареста на имущество (что частично перекликается с *freezing injunction*), а также иные меры. Кроме того, ст. 12 ГК РФ предусматривает такой способ защиты гражданских прав, как пресечение действий, нарушающих право или создающих угрозу его нарушения; ст. 1065 ГК РФ – запрещение деятельности, создающей опасность причинения вреда в будущем. Существенно, что эти меры относятся к материально-правовому плану, в отличие от процессуальных обеспечительных мер: функциональные аналоги *injunction* в российском праве оказываются распределены между материальным (ст. 12, 1065 ГК РФ) и процессуальным (обеспечительные меры АПК и ГПК) планом, тогда как английский *injunction* объединяет оба, оставаясь единым институтом в рамках *equity* при всей своей внутренней видовой дробности. Это распределение по разным планам само по себе есть проявление институциональной асимметрии.

Однако типологическое расхождение остается существенным. Российские обеспечительные меры носят преимущественно процессуальный характер: они применяются в рамках конкретного судебного процесса для обеспечения исполнения будущего решения. Английский *injunction* – это самостоятельное средство защиты материального права, которое может выступать как финальное (а не только промежуточное) средство правовой защиты. Кроме того, обеспечительные меры в российском процессе не образуют системы, типологически сопоставимой с английской категорией *equitable remedies* в целом (включающей помимо *injunctions* также *specific performance, rescission, rectification* и другие средства), поскольку континентальная традиция не знает противопоставления *law* vs *equity*.

Особый, исключительный характер *injunction* как средства защиты выражается в решении Верховного суда США:

A preliminary injunction is an extraordinary remedy never awarded as of right. In each case, courts must balance the competing claims of injury and must consider the effect on each party of the granting or withholding of the requested relief. <...> In exercising their sound discretion, courts of equity should pay particular regard for the public consequences in employing the extraordinary remedy of injunction (Winter v. NRDC, 2008). – «Предварительный *injunction* есть чрезвычайное средство защиты, никогда не предоставляемое по праву. В каждом деле

суд обязан взвесить противопоставленные доводы о вреде и оценить, как удовлетворение или отклонение заявленного требования скажется на каждой из сторон. <...> Осуществляя дискреционные полномочия, суды справедливости должны особо учитывать общественные последствия применения такого чрезвычайного средства, как *injunction*».

Формулировки *extraordinary remedy* и *never awarded as of right* задают важное отличие *injunction* от обычных средств правовой защиты (*damages*), которые предоставляются по праву при доказанном нарушении. *Injunction* остается средством, применяемым по усмотрению суда: его применение требует оценки баланса интересов сторон. Именно это делает его *equitable remedy*.

Перевод *injunction* как «судебный запрет», «судебный приказ» или транслитерация «инъюнкция» в каждом случае требует пояснения: ни один из вариантов не передает того, что речь идет о разновидности *equitable remedy* в системе, типологически отличной от романо-германской. Это случай, в котором переводная асимметрия отражает структурное расхождение правовых систем, а не лексикографическую неточность.

Во всех трех рассмотренных случаях расхождение касалось отдельного термина. Последний случай отличается по самому объекту: асимметрия проявляется не в одной единице, а в строении целого терминологического поля, где развитому английскому ряду противостоит единственный русский термин.

4.4. Адвокат / *counsel, lawyer, barrister, solicitor, advocate, attorney*: асимметрия структуры терминополья

Последний случай отличается от трех предыдущих по объекту расхождения. В подкейсах 4.1–4.3 асимметрия касалась отдельной единицы – ее статуса, классификации или категориальной принадлежности. Здесь же расхождение охватывает строение целого терминологического поля, поскольку развитому английскому ряду наименований юриста противостоит единый русский термин «адвокат». Мы предполагаем, что эта дробность не случайна и что за ней стоит устройство обозначаемого института, и проверяем это предположение на словарном, нормативном и судебном материале.

Формальное переводное соответствие здесь обратно по направлению. Русскому термину «адвокат» в русско-английском юридическом словаре И. И. Борисенко и В. В. Саенко (Борисенко, Саенко, 2000) отвечает не одна единица, а синонимический ряд из шести: *counsel, lawyer, barrister, solicitor, advocate, attorney*. Одному русскому понятию соответствует, таким образом, структурированная совокупность английских, и вопрос состоит в том, чем различаются ее элементы.

Реконструкция содержания ряда по словарным и нормативным источникам обнаруживает не свободные синонимы, а единицы, распределенные по институциональным ролям. *Lawyer* выступает родовым термином, и *Black's Law Dictionary* определяет его через отсылку к остальным членам ряда – *a person learned in the law; as an attorney, counsel, or solicitor* (*Black's Law Dictionary*, 2009), а *A Dictionary of Modern Legal Usage* Б. А. Гарнера подтверждает его обобщающий характер (Garner, 1987). *Attorney* в американском узусе функционирует как практический синоним *lawyer* (исходно – лицо, действующее от имени другого, откуда *power of attorney*), тогда как в британском английском в этом значении почти не употребляется. *Counsel* привязан к ведению конкретного дела: в британском контексте он традиционно обозначает барристера, выступающего по делу, что отражено и в словоупотреблении *Commercial Bar Association* (*COMBAR, Instructing barristers*), а в американском относится к любому представителю стороны. Эти три единицы

дифференцированы слабо, их различия лежат в региональном узусе и родо-видовых отношениях.

Корпусные данные поддерживают это разграничение. По абсолютной частоте в BNC ряд распределяется неравномерно: *solicitor* (3069) и *lawyer* (2098) образуют ядро британского узуса, *counsel* (1273) и *barrister* (508) занимают промежуточное положение, а *attorney* (661), несмотря на сопоставимую общую частоту, как наименование практикующего юриста почти не используется. Его коллокационный профиль показывает, что в британском корпусе *attorney* живет прежде всего в двух устойчивых сочетаниях: *Attorney General* (365 совместных употреблений – обозначение должности, а не профессии) и *power of attorney* (*power* 75, *enduring* 10, *donee* 4 – институт доверенности). Употребление *attorney* как родового наименования юриста реализуется преимущественно в американском контексте (*district attorney*, *federal*). Корпус подтверждает, таким образом, что в составе ряда *attorney* в значении «юрист, адвокат» регионально маркирован как американизм, а не как общеанглийский термин.

Основное различие проходит между *solicitor* и *barrister*, и оно институциональное, а не лексическое. Это разграничение не ново: как отмечают Н. А. Калмазова, В. Ф. Борисова и Ю. А. Кузнецова, строгое разделение адвокатов, отразившееся в терминах *barrister* и *solicitor*, сложилось в Англии и Уэльсе уже в XV в. и сохранилось до настоящего времени (Калмазова и др., 2020, с. 87). *Solicitor* – категория юристов, чья практика регулируется Solicitors Act 1974: согласно s. 1, лицо не вправе действовать как солиситор, если оно не внесено в реестр и не имеет действующего сертификата Общества (Solicitors Act 1974, s. 1); регулятором выступает независимая Solicitors Regulation Authority, учрежденная Law Society и поднадзорная Legal Services Board. *Barrister* – категория, специализирующаяся на судебном представительстве, и членство в одном из четырех Inns of Court для нее обязательно (Britannica, Barrister); регулирование осуществляет Bar Standards Board, а старшие барристеры получают звание King's Counsel. К этому ядру примыкает *advocate*, маркированный регионально. В Шотландии *advocate* по функции близок английскому барристеру (судебное представительство в высших судах), однако было бы неточным сводить его к простому «аналогу»: шотландские адвокаты объединены в Faculty of Advocates – самостоятельную профессиональную корпорацию с собственной историей, уставом и порядком приема, входящую в College of Justice и организационно не совпадающую с английской системой Inns of Court и Bar (Faculty of Advocates, History of Faculty). Тем самым *advocate* иллюстрирует институциональную асимметрию уже внутри самого общего права: за близкой функцией стоят разные профессиональные институты Англии и Шотландии. В американском же английском термин теряет дифференцирующий признак и сближается с *attorney*.

Расхождение, таким образом, локализуется не в значении отдельной единицы, а в самой дробности поля. Английский ряд дробен, потому что разделен обозначаемый институт: профессия распадается на барристеров и солиситоров, к которым примыкают регионально и функционально маркированные *advocate*, *attorney*, *counsel*. Русское поле обобщенно, потому что российский институт адвокатуры не предполагает аналогичного функционального разделения, и один адвокат осуществляет и подготовку дела, и представительство в суде. Каждое из двух полей по своему строению воспроизводит тот институт, который оно обслуживает, и именно на этом уровне залегает асимметрия, отличающая данный случай от предыдущих.

Аутентичный материал подтверждает эту институциональную дифференциацию. В решении Верховного суда Великобритании *For Women Scotland Ltd v The Scottish Ministers* [2025] UKSC 16 шапка состава представителей сторон построена по стандартной формуле:

Appellant: Aidan O'Neill KC, Spencer Keen (Instructed by Balfour + Manson LLP (Edinburgh))
Respondent: Ruth Crawford KC, Lesley Irvine (Instructed by Scottish Government Legal Directorate)

(For Women Scotland Ltd v The Scottish Ministers [2025] UKSC 16)

В переводе: «Апеллянт: Эйдан О'Нилл, КС, Спенсер Кин (по поручению фирмы Balfour + Manson LLP (Эдинбург))»; «Ответчик: Рут Кроуфорд, КС, Лесли Ирвин (по инструкции Юридического директората шотландского правительства)». В одной строке решения видны три институциональные роли. Перед фамилиями стоит *KC* (King's Counsel), маркирующее старших барристеров, выступающих в суде; формула *Instructed by* указывает на солиситорскую фирму (*LLP* – Limited Liability Partnership), которая ведет дело и инструктирует барристеров. Это классическое британское разделение функций, которому в российской системе соответствует одна фигура адвоката. Словоупотребление аутентичного судебного источника прямо отражает то структурное соответствие терминополья и института, которое мы рассматриваем как механизм институциональной асимметрии.

5. ОБСУЖДЕНИЕ

Рассмотренные случаи образуют не разрозненный набор примеров, а упорядоченную последовательность, в которой межъязыковое расхождение локализуется на разных уровнях институциональной структуры. Если расположить четыре случая по глубине расхождения, обнаруживается градация: от несовпадения в статусе отдельного термина до несовпадения в строении целого терминологического поля. Эту градацию мы и определяем как шкалу институциональной асимметрии.

Таблица 2 сводит результаты анализа по уровням асимметрии.

Таблица 2. Уровни институциональной асимметрии в англо-русской юридической терминологии

Случай	Уровень асимметрии	Что совпадает	Что расходится	Следствие для перевода
<i>magistrate</i> / «мировой судья»	Статус института	Функция (рассмотрение мелких дел в первой инстанции)	Профессиональный статус (непрофессионал vs профессиональный судья), процессуальная форма (коллегияльность vs единоличность)	Словарный эквивалент верен по функции, но скрывает различие в статусе; требуется пояснение
<i>felony</i> / <i>misdemeanour</i>	Классификация	Сам принцип деления преступлений по тяжести	Граница и основание классификации (по сроку наказания vs по категориям УК РФ)	Словарный эквивалент («тяжкое преступление») искажает объем понятия; требуется экспликация критерия
<i>injunction</i>	Категория правового средства	Функция (судебный запрет действия)	Принадлежность к equity, отсутствующей в континентальной системе	Словарный эквивалент («судебный запрет») верен по функции, но теряет категорию equitable remedy; требуется пояснение
«адвокат» / <i>counsel</i> , <i>lawyer</i> , <i>barrister</i> , <i>solicitor</i> , <i>advocate</i> , <i>attorney</i>	Структура терминополья	Общая профессиональная сфера (юридическое представительство)	Дробность поля: развитый английский ряд против обобщающего русского термина	Словарный эквивалент (один из ряда) недостаточен; требуется выбор единицы по институциональной роли с пояснением

На этой шкале уровень асимметрии нарастает: в первом случае расходится статус одной единицы, в последнем – устройство целого поля. При этом во всех четырех случаях расхождение имеет общую природу. Оно локализуется не в денотате и не в функции термина, а в институциональной структуре, которая за ним стоит. Функция при этом нередко совпадает: *magistrate* и мировой судья рассматривают мелкие дела, *injunction* и обеспечительная мера служат запрету, английский адвокатский ряд и русский «адвокат» обозначают юридическое представительство. Совпадение функции и создает иллюзию эквивалентности, которую закрепляет словарный перевод.

Этот результат развивает положение Г.-Р. де Гроота о том, что функциональной близости для признания эквивалентности недостаточно и что необходимо сходное системное и структурное укоренение термина (de Groot, 2006, p. 425). Наш материал показывает, где именно проходит граница такого укоренения. В случае *injunction* она пролегает по линии *law / equity*: русские обеспечительные меры функционально близки, но категориально принадлежат к иной системе, в которой противопоставления *law* и *equity* нет. В случае *felony / misdemeanour* граница проходит по основанию классификации: оба правоворядка делят преступления по тяжести, но проводят черту в разных местах и по разным критериям. Расхождение не устраняется подбором функционального эквивалента, поскольку лежит глубже функции.

Наиболее показателен в этом отношении случай адвокатского ряда. Здесь асимметрия проявляется не в отдельной единице, а в самом строении терминологического поля. Английское поле дробно, поскольку дробен обозначаемый институт: профессия разделена на барристеров и солиситоров, к ним примыкают регионально и функционально маркированные *advocate*, *attorney*, *counsel*. Русское поле обобщенно, поскольку российский институт адвокатуры устроен иначе и не предполагает аналогичного функционального разделения. Структура поля в каждом языке повторяет структуру института, который это поле обслуживает. Показательно, что институциональную структуру воспроизводит и частотная иерархия ряда в корпусе: *solicitor* как массовая, повседневная фигура профессии почти в шесть раз частотнее специализированного *barrister* (3069 против 508), а обобщающее *lawyer* уступает *solicitor*, но опережает узкоспециальные единицы. Тем самым структура словоупотребления повторяет структуру института так же, как ее повторяет структура самого поля, – и этот параллелизм служит дополнительным, независимым подтверждением предлагаемого механизма. Именно такое соответствие между устройством терминополья и устройством правового института мы и считаем ключевым механизмом институциональной асимметрии: расхождение терминологий двух языков есть прямое следствие расхождения стоящих за ними институтов.

Из этого вытекает методологическое следствие. Описание и перевод юридической терминологии требуют не только семантического и функционального, но и институционального анализа. Семантический анализ устанавливает значение термина, функциональный близость выполняемых ролей, однако ни тот, ни другой не выявляет уровня, на котором расположено расхождение. Сопоставление *injunction* с обеспечительными мерами по значению или функции дало бы вывод о близости, тогда как институциональный анализ обнаруживает категориальный разрыв. Лексикографическое следствие столь же определено: словарь, фиксирующий функциональный эквивалент без указания на институциональную принадлежность термина, систематически теряет информацию. Это наблюдается во всех рассмотренных случаях, от *magistrate*, переданного нейтральным «мировой судья», до *injunction*, переданного «судебным запретом» без пометы об *equity*. На материале терминополья

«юридическая профессия» к близкому выводу приходят Н. А. Калмазова, В. Ф. Борисова и Ю. А. Кузнецова: единый перевод английского ряда через «адвокат» (прием генерализации) допустим лишь там, где речь идет об общих положениях, тогда как при передаче национально-специфических аспектов требуются транслитерация или описательный перевод (Калмазова и др., 2020, с. 88). Выбор приема, таким образом, определяется уровнем институциональной асимметрии, на котором находится термин.

Полученные результаты соотносятся с предшествующими исследованиями и развивают их. Д. Цао описала англоязычный ряд наименований юриста и отнесла *magistrate* к терминам, связанным со структурой судебной системы (Сао, 2007, pp. 60–62); Г.-Р. де Гроот сформулировал общий принцип системно-структурного укоренения (de Groot, 2006, p. 425). Наша работа сводит эти наблюдения в единую рамку: отдельные случаи оказываются точками на общей шкале, а принцип укоренения получает конкретизацию в виде уровней, на которых расхождение локализуется. Контрастивный англо-русский материал, не привлекавшийся в названных работах, и аутентичные судебные источники (решения Верховного суда США и Верховного суда Великобритании) обнаруживают в институциональной асимметрии градуированное явление с собственной внутренней структурой, а не недифференцированную «непереводимость» юридического термина.

5.1. Институциональная помета: образец лексикографического воплощения

Предложенная типология имеет прямой выход в двуязычную лексикографию. Если расхождение локализуется не в значении термина, а в институциональной структуре за ним, то словарная статья, ограниченная переводным эквивалентом, систематически теряет ту информацию, которая определяет корректность перевода. Восполнить эту потерю способна институциональная помета – краткое указание на характер институционального расхождения, сопровождающее переводной эквивалент. Ниже приводятся образцы того, как такая помета могла бы выглядеть для трех рассмотренных терминов; помета вводится условным маркером [инст.] и набирается отдельно от собственно переводного соответствия.

magistrate – мировой судья [инст.: статус института] *англ. magistrate по умолчанию – непрофессиональный судья (lay magistrate), действующий коллегиально; функциональный аналог рос. мирового судьи – District Judge (Magistrates' Courts). Эквивалент «мировой судья» верен по функции, но не передает различия в профессиональном статусе.*

felony – тяжкое преступление [инст.: категориальная классификация] *амер. felony охватывает все преступления с наказанием свыше 1 года; не совпадает по объему с рос. категорией «тяжкое преступление» (ст. 15 УК РФ). В англ. праве деление felony/misdemeanour упразднено (Criminal Law Act 1967).*

injunction – судебный запрет [инст.: тип правового средства] *injunction – equitable remedy, не имеющий прямого аналога в романо-германской традиции; рос. обеспечительные меры близки лишь interim injunction. Эквивалент передает функцию (запрет), но не принадлежность к equity.*

«адвокат» – counsel / lawyer / barrister / solicitor / advocate / attorney [инст.: структура поля] *единому русскому наименованию отвечает не эквивалент, а целый английский ряд, дробность которого повторяет устройство профессии (solicitor и barrister как разделенные функции, counsel в суде, регионально маркированный attorney); выбор единицы определяется институциональной ролью, а не поиском «того же слова».*

Помета строится по единому формату: тип институционального расхождения и краткое пояснение, указывающее, на чем именно расходятся термин и его переводной эквивалент.

Такая структура отличает институциональную помету от обычного энциклопедического комментария: она не просто добавляет сведения, а указывает пользователю, в каком отношении переводной эквивалент перестает быть надежным. На практике помета факультативна и масштабируема: в случае если нет возможности полного написания, она сворачивается до краткого маркера типа расхождения, в развернутом виде – до полноценного институционального комментария, так что переводчик или лексикограф выбирает ее объем по месту, не жертвуя ни точностью, ни стилем. Для случая структуры терминополья помета принимает форму отсылки ко всему ряду: статья «адвокат» снабжается указанием на то, что английскому ряду соответствий (*solicitor, barrister, counsel* и др.) отвечает дифференциация института, отсутствующая в русском.

5.2. Ограничения исследования

Предложенная типология носит предварительный характер, и ее границы следует обозначить прямо.

Во-первых, выборка из четырех случаев является иллюстративной, а не репрезентативной. Она подобрана так, чтобы каждый случай демонстрировал отдельный уровень асимметрии, а не чтобы статистически охватить корпус юридической терминологии. Поэтому предложенная шкала описывает выделенные уровни, но не претендует на исчерпывающую полноту: между обозначенными уровнями возможны промежуточные (например, расхождение в процессуальной форме реализации института или в объеме понятия), а сама шкала остается открытой для уточнения и пополнения.

Во-вторых, исследование ограничено англо-русской парой. Вопрос о том, является ли градуированность институциональной асимметрии универсальным свойством межъязыкового соответствия или специфична для данной пары правовых систем, требует проверки на ином материале – в частности, на других парах, не связанных противопоставлением *common law* и романо-германской традиции. За рамками работы остается и сопоставление с иными ареалами внутри общего права (австралийским, канадским), где терминология юридической профессии также дифференцирована, а равно сравнение английского *injunction* с функционально близкими средствами французского и немецкого права.

В-третьих, корпусная составляющая выполняет верифицирующую, а не самостоятельную функцию. Привлеченные частотные и коллокационные данные подтверждают качественные наблюдения, но не образуют статистической модели; кроме того, BNC отражает британское словоупотребление конца XX века, что объясняет преобладание дореформенных единиц (*stipendiary magistrate*) и требует осторожности при переносе выводов на современное состояние. Привлечение специализированных юридических корпусов и сопоставление с данными Национального корпуса русского языка составляют отдельную задачу.

В-четвертых, анализ носит качественный характер и выполнен одним исследователем; отнесение каждого случая к тому или иному уровню асимметрии опирается на экспертную интерпретацию словарных, нормативных и корпусных источников. Межкодерная проверка разметки (*inter-coder agreement*) в настоящем исследовании не проводилась и составляет направление дальнейшей работы по верификации предложенной шкалы.

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Четыре рассмотренных случая обнаруживают особый тип межъязыкового расхождения в юридической терминологии, который мы определяем как институциональную асимметрию. Ее носителем выступает не отдельный термин и не его денотат, а соответствие между строением терминологического поля и устройством правового института. Расхождение между английской и русской юридической терминологией оказывается прямым следствием расхождения стоящих за ней институтов *common law* и романо-германской традиции.

Из четырех рассмотренных случаев наиболее показательным представляется, на наш взгляд, первый – соответствие *magistrate* и «мирового судьи». Именно он лучше всего обнажает природу институциональной асимметрии: внешне здесь все совпадает – одинаковая подсудность, сходный круг дел, устойчивый словарный эквивалент, – и переводчик не имеет видимых оснований усомниться в его надежности. Между тем за этим формально безупречным соответствием скрываются фигуры различной природы: в одном случае – судья-волонтер без юридического образования, представитель местного сообщества, в другом – профессиональный юрист с высшим образованием и стажем. Контраст тем разительнее, что он не лежит на поверхности и не улавливается ни словарем, ни проверкой по функции; обнаружить его можно, лишь обратившись к устройству самого института. Этот случай, по существу, и показывает, почему совпадение функции создает наиболее опасную разновидность переводческой иллюзии – ту, которую труднее всего распознать.

Главный теоретический результат состоит в том, что институциональная асимметрия не однородна, а градуирована. Четыре рассмотренных случая образуют шкалу, на которой расхождение последовательно углубляется: от статуса отдельного термина (*magistrate*) через основание категориальной классификации (*felony / misdemeanour*) и природу правового средства (*injunction*) к строению целого терминологического поля (русский «адвокат» против английского ряда наименований юриста). Общим для всех четырех уровней оказывается то, что функция термина и его переводного соответствия совпадает, а институциональная структура за ними – нет; место этого несовпадения и задает уровень асимметрии.

Перспектива исследования связана с проверкой и расширением предложенной шкалы. Во-первых, выделенные уровни асимметрии могут быть верифицированы на ином материале – на других парах правовых систем, не ограниченных противопоставлением *common law* и российского права, что позволит установить, является ли градация универсальным свойством межъязыковой юридической терминологии или специфична для данной пары. Во-вторых, результаты применимы к двуязычной юридической лексикографии: словарная статья, дополненная краткой институциональной пометой о месте термина в его правовой системе, передавала бы не только функцию термина, но и уровень его расхождения с переводным соответствием. Тем самым предложенный подход выходит за пределы описания отдельных терминологических случаев и намечает направление как для теории юридического перевода, так и для лексикографической практики.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Атабекова А. А. Юридический перевод в междисциплинарном контексте. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2013. 131 с.
2. Борисова Л. А. Основы юридического перевода. М.: Р.Валент, 2024. 208 с.
3. Бушев А. Б. Терминообразование в юридическом дискурсе и способы перевода терминов // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция: межвуз. сб. науч. ст. / отв. ред. Н. Д. Голев, Т. В. Чернышова. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2010. С. 21–25.
4. Власенко С. В., Заславская В. А. Юридический перевод в условиях унификации терминологии частного права в юридическом пан-европейском языке // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Филология. 2015. № 4. С. 222–234.
5. Голев Н. Д. (отв. ред.) Юрислингвистика-1: проблемы и перспективы: межвуз. сб. науч. тр. Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 1999. 181 с.
6. Гринёв-Гриневиц С. В. Терминоведение: учеб. пособие. М.: Академия, 2008. 302 с.
7. Калмазова Н. А., Борисова В. Ф., Кузнецова Ю. А. Англоязычные термины терминополья «юридическая профессия»: мотивация выбора перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкознание. 2020. Т. 19, № 3. С. 84–96. DOI 10.15688/jvolsu2.2020.3.8.
8. Карасик В. И. Концепт как единица лингвокультурного кода // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 10(44). С. 4–11.
9. Комарова З. И. Семантическая структура специального слова и ее лексикографическое описание: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФЛИНТА, 2023. 336 с.
10. Левитан К. М. Юридический перевод и сравнительное правоведение // Российский юридический журнал. 2012. № 5. С. 46–54.
11. Лейчик В. М. Терминоведение: предмет, методы, структура. 3-е изд. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. 256 с.
12. Суперанская А. В., Подольская Н. В., Васильева Н. В. Общая терминология: вопросы теории. 6-е изд. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 248 с.
13. Фомина И. Н. Eurospeak and the Russian terminology of law: translation challenges // Professional Discourse & Communication. 2019. Т. 1, № 3. С. 41–49. DOI 10.24833/2687-0126-2019-1-3-41-49.
14. Хижняк С. П. Юридическая терминология: формирование и состав / под ред. Л. И. Баранниковой. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1997. 132 с.
15. Хижняк С. П. Когнитивная проблематика в общей теории термина: монография. Саратов: ИЦ «Наука», 2016. 171 с.
16. Bhatia V. K. Analysing Genre: Language Use in Professional Settings. London: Longman, 1993. 246 p.
17. Biel Ł. Corpora in Institutional Legal Translation: Small Steps and the Big Picture // Institutional Translation for International Governance / F. Prieto Ramos (ed.). London: Bloomsbury, 2018. P. 25–36. DOI 10.5040/9781474292320.0010.
18. Cao D. Translating Law. Clevedon; Buffalo; Toronto: Multilingual Matters, 2007. 189 p.
19. Cheng L., Sin K. K. Terminological Equivalence in Legal Translation: A Semiotic Approach // Semiotica. 2008. Vol. 172, no. 1–4. P. 33–45. DOI 10.1515/SEMI.2008.088.
20. David R., Brierley J. E. C. Major Legal Systems in the World Today. 2nd ed. New York: Free Press, 1978. 584 p.

21. de Groot G.-R. Legal Translation // Elgar Encyclopedia of Comparative Law / J. M. Smits (ed.). Cheltenham; Northampton: Edward Elgar, 2006. P. 423–433.
22. Mattila H. E. S. Comparative Legal Linguistics: Language of Law, Latin and Modern Lingua Francas. 2nd ed. / transl. by C. Goddard. Farnham: Ashgate, 2013. 485 p.
23. Prieto Ramos F. (ed.) Institutional Translation for International Governance: Enhancing Quality in Multilingual Legal Communication. London; New York: Bloomsbury, 2018. 228 p.
24. Šarčević S. New Approach to Legal Translation. The Hague; London; Boston: Kluwer Law International, 1997. 308 p.
25. Zweigert K., Kötz H. An Introduction to Comparative Law. 3rd ed. / transl. by T. Weir. Oxford: Clarendon Press, 1998. 714 p.

Словари и справочные источники

26. Андрианов С. Н., Берсон А. С., Никифоров А. С. Англо-русский юридический словарь. М.: Русский язык, 1993. 509 с.
27. Борисенко И. И., Саенко В. В. Русско-английский юридический словарь = Russian-English Law Dictionary. М.: РУССО, 2000. 608 с.
28. Мамулян А. С., Кашкин С. Ю. Англо-русский полный юридический словарь. М.: Рэббит, 1993. 400 с.
29. Black's Law Dictionary / B. A. Garner (ed.). 9th ed. St. Paul: West, 2009. 1920 p.
30. Garner B. A. A Dictionary of Modern Legal Usage. Oxford: Oxford University Press, 1987. 587 p.
31. Martin E. A. (ed.) A Dictionary of Law. 4th ed. Oxford: Oxford University Press, 1997. 515 p.

Нормативные правовые акты и судебные решения

32. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ. Гл. 8 (ст. 90–100). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения: 17.08.2026).
33. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ. Ст. 12. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (дата обращения: 17.08.2026).
34. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ. Ст. 1065. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (дата обращения: 17.08.2026).
35. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ. Гл. 13 (ст. 139–146). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (дата обращения: 17.08.2026).
36. О мировых судьях в Российской Федерации: Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21335/ (дата обращения: 17.08.2026).
37. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ. Ст. 15. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 17.08.2026).
38. Access to Justice Act 1999 (с. 22). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/22/contents> (дата обращения: 17.08.2026).

39. Baldwin v. New York, 399 U.S. 66 (1970). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/399/66/> (дата обращения: 17.08.2026).
40. Courts Act 2003 (с. 39). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/39/contents> (дата обращения: 17.08.2026).
41. Criminal Law Act 1967 (с. 58). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58/contents> (дата обращения: 17.08.2026).
42. For Women Scotland Ltd v The Scottish Ministers [2025] UKSC 16. URL: <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2024-0042> (дата обращения: 17.08.2026).
43. Solicitors Act 1974 (с. 47). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1974/47/contents> (дата обращения: 17.08.2026).
44. Supreme Court of Judicature Act 1873 (36 & 37 Vict. с. 66). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/36-37/66/contents> (дата обращения: 17.08.2026).
45. Supreme Court of Judicature Act 1875 (38 & 39 Vict. с. 77). URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/38-39/77/contents> (дата обращения: 17.08.2026).
46. Winter v. Natural Resources Defense Council, Inc., 555 U.S. 7 (2008). URL: <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/555/7/> (дата обращения: 17.08.2026).
47. 18 U.S.C. § 3559. Sentencing classification of offenses. URL: <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title18-section3559> (дата обращения: 17.08.2026).

Электронные ресурсы

48. Barrister // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/barrister> (дата обращения: 17.08.2026).
49. Become a magistrate // GOV.UK. URL: <https://www.gov.uk/become-magistrate> (дата обращения: 17.08.2026).
50. District Judges (Magistrates' Courts) // Courts and Tribunals Judiciary. URL: <https://www.judiciary.uk/about-the-judiciary/who-are-the-judiciary/judges/district-judge-mags-ct/> (дата обращения: 17.08.2026).
51. Felony and misdemeanour // Encyclopaedia Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/felony> (дата обращения: 17.08.2026).
52. History of Faculty // Faculty of Advocates. URL: <https://www.advocates.org.uk/faculty-of-advocates/history-of-faculty> (дата обращения: 17.08.2026).
53. Injunction // Practical Law UK Glossary. Thomson Reuters. URL: <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/4-502-4584> (дата обращения: 17.08.2026; доступ по подписке).
54. Instructing barristers // COMBAR – The Commercial Bar Association. URL: <https://www.combar.com/about-us/instructing-barristers/> (дата обращения: 17.08.2026).
55. Magistrates // Courts and Tribunals Judiciary. URL: <https://www.judiciary.uk/about-the-judiciary/who-are-the-judiciary/magistrates/> (дата обращения: 17.08.2026).
56. Misdemeanor // Wex. Legal Information Institute, Cornell Law School. URL: <https://www.law.cornell.edu/wex/misdemeanor> (дата обращения: 17.08.2026).
57. The British National Corpus, XML Edition / BNC Consortium. Oxford: Oxford Text Archive, 2007. URL: <https://www.english-corpora.org/bnc/> (дата обращения: 17.08.2026).

REFERENCES

1. 18 U.S.C. § 3559. Sentencing classification of offenses. <https://uscode.house.gov/view.xhtml?req=granuleid:USC-prelim-title18-section3559>
2. Access to Justice Act 1999, c. 22 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1999/22/contents>
3. Andrianov, S. N., Berson, A. S., & Nikiforov, A. S. (1993). *Anglo-russkiy yuridicheskiy slovar'* [English-Russian law dictionary]. Russkiy yazyk. (in Russian)
4. Arbitrazhnyy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 24.07.2002 № 95-FZ [Arbitration Procedure Code of the Russian Federation of July 24, 2002, No. 95-FZ]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (in Russian)
5. Atabekova, A. A. (2013). *Yuridicheskiy perevod v mezhdistsiplinarnom kontekste* [Legal translation in an interdisciplinary context]. YUNITI-DANA. (in Russian)
6. Baldwin v. New York, 399 U.S. 66 (1970). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/399/66/>
7. Barrister. (n.d.). In *Encyclopaedia Britannica*. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.britannica.com/topic/barrister>
8. *Become a magistrate*. (n.d.). GOV.UK. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.gov.uk/become-magistrate>
9. Bhatia, V. K. (1993). *Analysing genre: Language use in professional settings*. Longman.
10. Biel, Ł. (2018). Corpora in institutional legal translation: Small steps and the big picture. In F. Prieto Ramos (Ed.), *Institutional translation for international governance* (pp. 25–36). Bloomsbury. <https://doi.org/10.5040/9781474292320.0010>
11. *Black's law dictionary* (B. A. Garner, Ed.; 9th ed.). (2009). West.
12. BNC Consortium. (2007). *The British National Corpus* (XML ed.). Oxford Text Archive. <https://www.english-corpora.org/bnc/>
13. Borisenko, I. I., & Saenko, V. V. (2000). *Russko-angliyskiy yuridicheskiy slovar'* [Russian-English law dictionary]. RUSSO. (in Russian)
14. Borisova, L. A. (2024). *Osnovy yuridicheskogo perevoda* [Foundations of legal translation]. R. Valent. (in Russian)
15. Bushev, A. B. (2010). Terminoobrazovanie v yuridicheskom diskurse i sposoby perevoda terminov [Term formation in legal discourse and methods of translating terms]. In N. D. Golev & T. V. Chernyshova (Eds.), *Yurislingvistika-10: Lingvokonfliktologiya i yurisprudentsiya* [Legal linguistics-10: Linguistic conflictology and jurisprudence] (pp. 21–25). Altai State University Press. (in Russian)
16. Cao, D. (2007). *Translating law*. Multilingual Matters.
17. Cheng, L., & Sin, K. K. (2008). Terminological equivalence in legal translation: A semiotic approach. *Semiotica*, 172(1/4), 33–45. <https://doi.org/10.1515/SEMI.2008.088>
18. Courts Act 2003, c. 39 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/2003/39/contents>
19. Courts and Tribunals Judiciary. (n.d.-a). *District Judges (Magistrates' Courts)*. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.judiciary.uk/about-the-judiciary/who-are-the-judiciary/judges/district-judge-mags-ct/>
20. Courts and Tribunals Judiciary. (n.d.-b). *Magistrates*. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.judiciary.uk/about-the-judiciary/who-are-the-judiciary/magistrates/>
21. Criminal Law Act 1967, c. 58 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1967/58/contents>

22. David, R., & Brierley, J. E. C. (1978). *Major legal systems in the world today* (2nd ed.). Free Press.
23. de Groot, G.-R. (2006). Legal translation. In J. M. Smits (Ed.), *Elgar encyclopedia of comparative law* (pp. 423–433). Edward Elgar.
24. Faculty of Advocates. (n.d.). *History of Faculty*. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.advocates.org.uk/faculty-of-advocates/history-of-faculty>
25. Federal'nyy zakon ot 17.12.1998 № 188-FZ «O mirovykh sud'yakh v Rossiyskoy Federatsii» [Federal Law of December 17, 1998, No. 188-FZ “On Justices of the Peace in the Russian Federation”]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_21335/ (in Russian)
26. Felony and misdemeanour. (n.d.). In *Encyclopaedia Britannica*. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.britannica.com/topic/felony>
27. Fomina, I. N. (2019). Eurospeak and the Russian terminology of law: Translation challenges. *Professional Discourse & Communication*, 1(3), 41–49. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2019-1-3-41-49>
28. For Women Scotland Ltd v The Scottish Ministers [2025] UKSC 16. <https://www.supremecourt.uk/cases/uksc-2024-0042>
29. Garner, B. A. (1987). *A dictionary of modern legal usage*. Oxford University Press.
30. Golev, N. D. (Ed.). (1999). *Yurilingvistika-1: Problemy i perspektivy* [Legal linguistics-1: Problems and prospects]. Altai State University Press. (in Russian)
31. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' pervaya) ot 30.11.1994 № 51-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part One) of November 30, 1994, No. 51-FZ]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ (in Russian)
32. Grazhdanskiy kodeks Rossiyskoy Federatsii (chast' vtoraya) ot 26.01.1996 № 14-FZ [Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996, No. 14-FZ]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/ (in Russian)
33. Grazhdanskiy protsessual'nyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 14.11.2002 № 138-FZ [Civil Procedure Code of the Russian Federation of November 14, 2002, No. 138-FZ]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39570/ (in Russian)
34. Grinev-Grinevich, S. V. (2008). *Terminovedenie* [Terminology science]. Akademiya. (in Russian)
35. Injunction. (n.d.). In *Practical Law UK glossary*. Thomson Reuters. Retrieved August 17, 2026, from <https://uk.practicallaw.thomsonreuters.com/4-502-4584>
36. *Instructing barristers*. (n.d.). COMBAR – The Commercial Bar Association. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.combar.com/about-us/instructing-barristers/>
37. Kalmazova, N. A., Borisova, V. F., & Kuznetsova, Yu. A. (2020). English terms of terminological field legal profession: Motivation of choice and translation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie*, 19(3), 84–96. <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2020.3.8> (in Russian)
38. Karasik, V. I. (2009). Kontsept kak edinita lingvokul'turnogo koda [The concept as a unit of linguistic cultural code]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, (10), 4–11 (in Russian)
39. Khizhnyak, S. P. (1997). *Yuridicheskaya terminologiya: Formirovanie i sostav* [Legal terminology: Formation and composition]. Saratov University Press. (in Russian)
40. Khizhnyak, S. P. (2016). *Kognitivnaya problematika v obshchey teorii termina* [Cognitive aspects of the general theory of the term]. Nauka. (in Russian)

41. Komarova, Z. I. (2023). *Semanticheskaya struktura spetsial'nogo slova i eyo leksikograficheskoe opisanie* [The semantic structure of a special word and its lexicographic description] (2nd ed.). FLINTA. (in Russian)
42. Leichik, V. M. (2007). *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura* [Terminology science: Subject, methods, structure] (3rd ed.). LKI. (in Russian)
43. Levitan, K. M. (2012). Yuridicheskiy perevod i sravnitel'noe pravovedenie [Legal translation and comparative law]. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*, (5), 46–54 (in Russian)
44. Mamulyan, A. S., & Kashkin, S. Yu. (1993). *Anglo-russkiy polnyy yuridicheskiy slovar'* [Comprehensive English-Russian law dictionary]. Rabbit. (in Russian)
45. Martin, E. A. (Ed.). (1997). *A dictionary of law* (4th ed.). Oxford University Press.
46. Mattila, H. E. S. (2013). *Comparative legal linguistics: Language of law, Latin and modern lingua francas* (C. Goddard, Trans.; 2nd ed.). Ashgate.
47. Misdemeanor. (n.d.). In *Wex*. Legal Information Institute, Cornell Law School. Retrieved August 17, 2026, from <https://www.law.cornell.edu/wex/misdemeanor>
48. Prieto Ramos, F. (Ed.). (2018). *Institutional translation for international governance: Enhancing quality in multilingual legal communication*. Bloomsbury.
49. Šarčević, S. (1997). *New approach to legal translation*. Kluwer Law International.
50. Solicitors Act 1974, c. 47 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/1974/47/contents>
51. Superanskaya, A. V., Podolskaya, N. V., & Vasilyeva, N. V. (2012). *Obshchaya terminologiya: Voprosy teorii* [General terminology: Theoretical issues] (6th ed.). LIBROKOM. (in Russian)
52. Supreme Court of Judicature Act 1873, 36 & 37 Vict. c. 66 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/36-37/66/contents>
53. Supreme Court of Judicature Act 1875, 38 & 39 Vict. c. 77 (UK). <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Vict/38-39/77/contents>
54. Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ [Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ]. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (in Russian)
55. Vlasenko, S. V., & Zaslavskaya, V. A. (2015). Yuridicheskiy perevod v usloviyakh unifikatsii terminologii chastnogo prava [Legal translation under unification of private law terminology]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologiya*, (4), 222–234 (in Russian)
56. Winter v. Natural Resources Defense Council, Inc., 555 U.S. 7 (2008). <https://supreme.justia.com/cases/federal/us/555/7/>
57. Zweigert, K., & Kötz, H. (1998). *An introduction to comparative law* (T. Weir, Trans.; 3rd ed.). Clarendon Press.

Информация об авторе

Жилина Ирина Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Центрального филиала Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (Воронеж, Россия). Область научных интересов: юрислингвистика, юридический перевод, сопоставительное терминоведение, корпусная семантика.

ORCID: 0009-0005-9134-8831.

Получено: 5 июня 2026 г.

Принято к публикации: 18 августа 2026 г.

TERMINOLOGICAL FIELD STRUCTURE AS A REFLECTION OF LEGAL INSTITUTIONS IN ENGLISH-RUSSIAN LEGAL TERMINOLOGY

Irina A. Zhilina

*Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev, Central Branch
(Voronezh, Russian Federation)
irina1985_2004@mail.ru*

Abstract: Institutional asymmetry of legal terms is not uniform but graduated: the divergence between a term and its translation equivalent is located at different levels, from the status of an individual unit to the structure of an entire terminological field. The present study aims to demonstrate that the structure of a terminological field reproduces the structure of the legal institution it serves, determining the level at which the translation equivalent ceases to be reliable. Drawing on four illustrative cases arranged by an increasing degree of divergence – from the status of an institution (magistrate) through categorical classification (felony / misdemeanour) and the type of legal remedy (injunction) to the structure of the field (the English series of names for a legal practitioner against the single Russian *advokat*) – the article identifies a scale on which the function of a term and its equivalent may coincide, creating an illusion of equivalence, while the actual divergence lies in the institutional structure. The analysis combines dictionary, statutory, and corpus data (the British National Corpus) with authentic court judgments. Corpus data are used to independently verify dictionary and statutory observations by establishing absolute frequencies and building collocation profiles for the core terms. Based on the analysis, a typology of four levels of asymmetry is constructed. The practical value of the results is twofold: for translation, they indicate when a functional equivalent suffices and when an institutional note is required; for bilingual lexicography, they justify an institutional label marking the level of a term's divergence from its equivalent. The proposed approach shifts the description from merely stating cross-systemic differences towards explaining their mechanism. Institutional asymmetry is thus described as an ordered, graduated phenomenon, offering the notion of correspondence between terminological fields and legal institutions as an effective tool for comparative terminology studies beyond the examined language pair.

Keywords: institutional asymmetry, legal terminology, legal translation, terminological field, functional equivalence, legal institution, corpus linguistics.

How to cite this article: Zhilina, I.A. (2026). Terminological Field Structure as a Reflection of Legal Institutions in English-Russian Legal Terminology. *Professional Discourse & Communication*, 8(3), 85–113. <https://doi.org/10.24833/2687-0126-2026-8-3-85-113>

About the author

Irina A. Zhilina, Cand. Sci. (Philology), is an Associate Professor in the Department of Humanities and Socio-Economic Disciplines at the Central Branch of the Russian State University of Justice named after V. M. Lebedev (Voronezh, Russian Federation). Her research interests include legal linguistics, legal translation, comparative terminology, and corpus semantics.

ORCID: 0009-0005-9134-8831.

Received: June 5, 2026.

Accepted: August 18, 2026.